

УДК 81'1:801.7

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.1.104

НАКЛОНЕНИЕ, МОДАЛЬНОСТЬ И РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ. К УЧЕБНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В. В. Волков, Н. В. Волкова, И. В. Гладиллина

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье констатируется синонимическое смешение в учебной работе со студентами-филологами понятий «наклонение», «модальность» и «речевые жанры», что требует специального лингводидактического внимания к терминам *модальность* и *наклонение* с целью их сопоставления и разграничения. Авторы излагают результаты моделирования процессов герменевтического осмысления данных терминов, рассматривают способы объяснения и понимания феноменов модальности, наклонения и соотносительного с ними феномена речевых жанров, предлагают варианты учебной интерпретации данных терминов на основе актуализации их внутренней формы.

Ключевые слова: учебное терминоведение, модальность, наклонение, внутренняя форма слова, когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика.

Введение

Модальность в ряду лингвистических терминов / понятий с категориальным статусом (как *время, лицо, число* и др.) занимает особое положение, поскольку наиболее непосредственно соотносится с мировоззренческими представлениями о видах связи (1) мира и человека, (2) содержания речи / высказываний с миром и человеком – «внешним» миром (объективным, реальным или виртуальным) и миром внутренним (субъективным). В системе языка модальность представлена на самых разных языковых уровнях, выражается в речи самыми разными средствами: лексическими (к примеру, *хотеть, должен*), морфологическими (формы наклонений, частица *бы*), синтаксическими (*кажется, возможно* – «вводные слова»), коммуникативно-прагматическими (*Вперед!* в функции призыва-побуждения) и др., вплоть до невербальных.

Отсюда статус модальности в «академической» лингвистике – **функционально-семантическая категория**; в авторитетном определении: «...функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения *высказывания* к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [14, с. 303]. В учебной филологической практике статус категории модальности лишен такой

© Волков В. В., Волкова Н. В., Гладиллина И. В., 2024

определенности. Поскольку в типовом наборе лингвистических терминов – «школьном» и вузовском – понятие о функционально-семантических категориях факультативно, во всяком случае на младших курсах, а модальные значения – это такие языковые явления, которые вниманием не обойти, то чаще пользуются термином *наклонение* как синонимом *модальности* – и в учебной практике, и в научных работах, включая авторитетные словарные [2], обзорно-теоретические [18], фундаментальные учебные [10] и др., включая академическую «Русскую грамматику» [16]. Понятийно-терминологическое наложение / смешение терминов-понятий *модальность* и *наклонение*, к которым в ходе дальнейшего обучения студентов-филологов добавляется коммуникативно-прагматическое понятие *речевые жанры*, серьезно осложняет понимание существа этих смежных явлений.

Жанр данной статьи – опыт учебно-герменевтического прочтения ядерной части понятийно-терминологической микросистемы «модальность – наклонение – речевые жанры» в русском языкознании. Конкретный материал – предмет данной работы как относящейся к учебной лингводидактической герменевтике – именованная языковых значений, составляющих содержание категорий наклонения и модальности, цель – осмысление трудностей, с которыми сталкиваются студенты-филологи, пытаясь понять, что такое наклонение и модальность, начиная с существа самих терминов *наклонение* и *модальность*.

Кратко поясним существо ключевых трудностей.

Во-первых, на студенческой скамье выясняется, что, помимо «школьных» наклонений (*изъявительное, повелительное, сослагательное / условное*), в науке используются другие именованья каких-то других то ли «наклонений», то ли «модальностей», причем, кроме интуитивно ясных терминов *реальная* и *ирреальная* (модальность / наклонение), *положительная* и *отрицательная, вопросительная* и *утвердительная, прямая* и *косвенная* модальность, используются термины *гипотетическая, долженствовательная, допустительная, достижательная, желательная, запретительная, повелительно-предположительная, потенциальная, предостерегательная, разрешительная, увещательная, эмфатическая* и др., которые трактуются то как модальности, то как наклонения, а многие в коммуникативно-прагматической проекции рассматриваются и как речевые жанры, список которых относительно автономен и неопределенно обширен: *вопрос* и *ответ, утверждение* и *отрицание, разрешение* и *запрещение, побуждение, предостережение, призыв, пожелание, приглашение, приветствие, просьба* и мн. др. (см., например: [13]).

Во-вторых, студентам непонятно, по какому, так сказать, лингвистическому «ведомству» проходят различные модальности / наклонения, в каких языковых / речевых единицах соответствующие значения находят

свое выражение: в лексике или грамматике, в пределах грамматики – в морфологии или синтаксисе, а может, во «всём вместе», то есть в полевых функционально-семантических категориях (системах-структурах). Спросим иначе: категории, например, *индикатива* (изъявительного наклонения) и *оптатива* (желательного наклонения) – это *морфологические* или *синтаксические категории*, это особые *типы предложений* или *коммуникативные типы высказываний*? Еще иначе: может, это *модальные типы предложений / высказываний*, *семантико-синтаксические единицы* (категориального характера), в совокупности образующие модальную *коммуникативную рамку*, в «школьном» прочтении – отдельные частные *типы предложений по цели высказывания*?

Лингводидактический учебно-герменевтический путь к ответам на такие вопросы, как мы показали ранее в предыдущих работах, – размышлять, основываясь на лексико-семантическом и морфемно-словообразовательном анализе терминов [5; 6], через «*всматривание* в структуру и содержание ключевых лингвистических терминов» [9, с. 101], добиваться «*осознанности* сначала *процесса* овладения понятийно-терминологическим аппаратом <...> а затем – *осознания осознанного* – как *результата*» [7, с. 84], то есть добиваться «функциональной грамотности» – как «грамотности» понятийно-терминологической [8], обеспечивающей возможность понимания языковых явлений.

Как понимать слова *наклонение* и *модальность*?

В синхронии языка термины *модальный* > *модальность* и *наклонение* – слова со стёртой внутренней морфемно-словообразовательной формой (опрошение очевидно). Актуализация внутренней формы этих терминов предполагает обращение не только к исходным корневым лексемам, но и к последующим семантическим (метафорическим) трансформациям.

Модальный – из лат. *modus* с базовым набором значений ‘мера; положение; предел, граница; образ, способ’, которые можно соотнести с вопросом *как?* (что-то делается, существует). Ближайшее русское производное на этой латинской основе – *модус* ‘вид, мера, норма’ (здесь и далее латинские этимологии по: [12]), семантика которого хорошо просматривается в выражении *модус вивенди* ‘образ / способ жизни’ (*Наши / мой / твой модус вивенди сейчас такой...*).

Отсюда лингвистическое противопоставление двух базовых «модальностей» – *модус* и *диктум*, фиксирующих базовые отношения человека / высказывания к миру, различающиеся по параметру «объективное – субъективное»: *диктум* – «как есть» = «как объективно дано»; *модус* – «как видится / воспринимается / оценивается данное» = «как субъективно окрашено восприятие объективных данных / отношение к ним».

«Точка отсчета» в модальной рамке как совокупности возможных «отношений» мира и человека (говорящего), высказывания и мира – это, разумеется, «объективно данное» = *диктум*, ближайшие соотносительные термины (квазисинонимы) – *индикатив*, *изъявительное* наклонение. Разъясняющая семантизация: «так, как есть». Опорные морфосемантические точки в составе терминов:

– *диктум* – из лат. *dictum* ‘выражение, изречение’, производное от *dicere, dico* ‘говорить, говорю’, откуда и *диктор* < *dictor* ‘говорящий’, *дикция* < *dictio* ‘произнесение; способ изложения, слог’; далее *индикатив* – из лат. *indicativus* < *indicare, indico* ‘сказать, объявлять, называть’;

– *изъявительное* (наклонение) – из глагола *изъявить* ‘высказать, выразить’, включающего (1) приставку *из-* в значении «изнутри наружу», синонимичную приставке *вы-* в *вы-сказать*, *вы-разить*, (2) корневой элемент, как в сущ. *явь* ‘действительность, реальность; непосредственно данное = существующее наяву’.

Модальное по отношению к *диктальному* (= объективно, в *яви* данному) может прочитываться / пониматься как *модуляции* диктального, по глаголу *модулировать*, из нем. *modulieren* < лат. *modulus* ‘мера’ < уменьш. от *modus*. *Модулировать* – «изменять, преобразовывать в соответствии с заданными *параметрами*» > *модификация* (из лат. *modificatio* ‘установление меры, размера’ < *modificare* ‘размерять, расчленять на ритмические элементы; умерять, соблюдать меру’ < *modus* ‘мера’ + *facere* ‘делать’) – «видоизменение, преобразование чего-л., ведущее к появлению новых свойств».

Параметры, «меры» *модификации* в движении от диктального к модальному, от наличного к некоему «иному» – это *модальные операторы*, которые наиболее явно выражаются *модальными предикативами* («модальными наречиями», словами категории состояния) *должно, можно, возможно, надо, нельзя, нужно, необходимо* и др., производные термины – именованья модальностей: *долженствование, возможность, необходимость* и др. Модальные операторы фиксируют различные отношения между наличным и иным, отсылают к иному по отношению к наличному «образу мира», который «в яви» как наличной данности не явлен, однако доступен для субъективного осмысления как должное, желательное, необходимое и т. д.

Наклонение, по обычному толкованию, – «грамматическая категория глагола, выражающая отношение содержания высказывания к действительности» [2, с. 248]. Для осмысления семантики этого термина учитываем два базовых обстоятельства:

1) сущ. *наклонение* в плане формальной производности представляется вполне ясным, с учетом неединственной мотивации глаголами сов. и несов. вида: *клонить* > *наклонить* / *наклонять* > *наклонение*;

2) ключевое слово в словарном толковании – *отношение* (содержания высказывания к действительности), из *относить / относиться*, с приставкой *от-* в значении «в сторону».

Как видим, ключевой семантический элемент – ‘в сторону’ (от некоего исходного положения) Исходное значение: *наклонить* – «изменить прямое положение на наклонное» [15, с. 584]. По отношению к этому исходному терминологическое производное значение сущ. *наклонение* выступает как концептуальная метафора.

«Прямое положение» соотносится с *диктум, индикатив, изъявительное* (наклонение) = *прямое* (наклонение) в отличие от остальных как *косвенных* («отклоненных»).

Поскольку *отклонение / наклонение* ассоциируется с *относиться* > *отношение*, представляется очевидным прочтение *наклонения* как особого рода *отношения*: 1) взаимной связи, зависимости смежных феноменов, 2) особого характера взаимосвязи смежных феноменов / обращения с ними.

Характер взаимосвязи феноменов устанавливается субъектом речи; вопрос к нему: говорящий, к чему «клонится» твоё *отношение* к ситуации?

«Школьные» наклонения: *изъявительное, сослагательное, повелительное*

Изъявительное, как мы показали выше, – по внутренней форме актуализуется как «из яви» *явленное* (< *явить*) в слове / высказывании.

Сослагательное наклонение, по общеизвестной характеристике, «имеет категориальное значение возможности, предположительности» [16, с. 625]. Однако термин *сослагательное* своей внутренней морфемно-словообразовательной формой никак не «намекает» на значение возможности, предположительности.

Прил. *сослагательное* (наклонение) в русском языке выступает только в форме ср. рода, воспринимается как непроизводное, используется исключительно в функции грамматического термина при сочетаемости только с сущ. *наклонение*, производное *сослагательность* – редкий, скорее потенциальный, чем актуальный грамматический термин. *Сослагательный* – слово для непроизводных «длинное» (пять слогов). «Внутри» этого термина с очевидностью просматривается глагольная основа *слагать*, однако связь с ней темна, внутренняя форма термина с очевидностью не просматривается. Видимо, в силу этого как полный синоним термина *сослагательное* используется и прил. *условное* (наклонение).

Слагать / сложить ‘положить, разместить в определенном порядке’ – глагол, явно предлежащий *сослагательному*. Супплетивная лексема – *класть*. Отсюда: по значению совместности у приставки *с-/со-*, *сла-*

гать – «класть вместе / рядом / в некоем порядке». Далее: *сослагательное* (наклонение) *слагает* – «кладёт рядом» наличное, реальное и некое иное – что лишь мыслится.

Условное (наклонение) – термин, который выступает как семантически «продолжающий», «изъясняющий» *сослагательное*. Смысл «изъяснения»: если нечто рядом «*со-слагается*», – то по какой причине, при каком *условии*?

В прил. *условный* ясно прочитывается корень, как в сущ. *слово*. Отсюда: если *сослагательное* «(со)*слагает*», «кладет рядом» наличное, реальное и (лишь) мыслимое, то мыслимое существует лишь в *слове* – находится «у» *слова* = «у» *мысли*.

Связь *условного* со *словом* (= речью, высказываниями) хорошо просматривается в Словаре В.И. Даля: «**Условливаться, условиться...** до(у)говариваться, соглашаясь обоюдно, обязаться к чему. <...> **Условие**, оговорка, зависимость... <...> **Условный**, условленный, к условию относящийся, договорный...» [11, с. 512]. В толковании современного словаря тоже наличествует элемент «оговоренности» = обусловленности словом («как говорили / договорились»): «**Условный...** Ограниченный, оговорённый каким-л. условием...» [15, с. 1400].

Повелительное (наклонение), в отличие от предыдущих, – прилагательное с ясной внутренней формой: *велеть* > *повелеть* > (*повелитель*) > *повелительный*. Непосредственно мотивирующее значение у *повелеть* – «распорядиться, приказать»; при актуализации корневого *воля* получаем: *повелеть* – «высказать / выразить / изъяснить (свою) *волю*». Отсюда: *повелительный* – «содержащий изъяснение чьей-либо *воли*». Дальнейшие возможные размышления – о существовании феномена *воли*, *волевых актов* объективной и субъективной природы.

Заметим: применительно к *модальности* едва ли уместно **повелительная модальность*, общепринято другое словосочетание – *модальность побуждения*.

Существование различия *повеления* от *побуждения* усматривается в следующем:

– *повеление* – речевое проявление *воли* говорящего, что в словообразовательной цепочке *повелеть* > (*повелитель*) > *повелительный* просматривается в наличии сущ. *повелитель* – ступени, которая по отношению к прил. *повелительный* факультативна (чересступенчатое словообразование);

– *побуждение* – речевое действие, нацеленное на *пробуждение* воли адресата / реципиента, ср. словарное толкование *побудить / побуждать*: «Склонить, понудить к чему-либо» [Там же, с. 850]. Концептуальная метафора на основе общей семы 'изменение / переход' (от одного физического / психического состояния адресата / реципиента сообще-

ния – к другому): 1) исходный глагол *будить* в значении изменения физического / психического состояния «заставлять проснуться = перейти от сна к ясному состоянию сознания» > 2) производный глагол *побудить* в значении изменения психического состояния адресата / реципиента сообщения как перехода от (условно) пассивного к (условно) активному.

Иными словами, *повеление* и *побуждение*, совпадая в понятии «(словесный) волевой акт», оппозитивны по параметру «субъект-ориентированность vs объект-ориентированность» = (1) явное (речевое) проявление воли говорящего (субъекта) – (2) косвенное проявление воли говорящего в форме адресованности к воле адресата / реципиента.

Отсюда многообразие частных модальностей *побуждения* (едва ли *повеления!*), например *приглашение, совет, рекомендация, требование, приказ* и т. д., которые, на наш взгляд, целесообразнее трактовать как речевые жанры – отдельные частные виды побуждения, обусловленные особенностями конкретной коммуникативной ситуации.

«Нешкольные» наклонения / модальности: *желательность, долженствование, возможность*

Хочу, должен / должна / должны, могу – это, думается, тот «модальный минимум личности», который один из краеугольных камней взаимодействия человека и общества, который имеет особое значение для молодежи – студентов и школьников – не только / не столько в плане овладения грамматикой родного / русского языка, но и, как говорится, «по жизни». Разумеется, к названным ключевым словам можно добавлять и другие: *надо / нужно / необходимо, нельзя, разрешаю, предупреждаю, приказываю* и др. – список открыт, его границы определяются скорее объективными обстоятельствами жизни и субъективными вкусами / предпочтениями того / тех, кто соответствующие перечни составляет, чем логикой лингвистического исследования.

С одной стороны, *желани(е/я)* лица и *желательность* как модальная категория – с другой стороны, *долг* перед другими / обществом и категория *долженствования*, а между ними – *возможность* реализации того и другого. Трехкомпонентная модальная рамка лингвистики, хорошо соотносящаяся с базовыми ценностями, специально изучаемыми в аксиологии, психологии и других гуманитарных науках.

Специально отметим, что *хочу, долг / должен, могу* – этимологически «тёмные» слова, с неясными семантическими этимонами (см., например: [20]), что косвенно свидетельствует об их принадлежности числу таких «первичных понятий», которые практически не поддаются компактному и одновременно достаточно содержательному толкованию, в силу чего приходится обращаться к их квазисинонимам, симилярам – «синонимоподобным» словам и другим семантически смежным единицам.

Хотеть / хочу – базовое лексическое средство выражения желания. Как объяснять / понимать значение этого глагола? Авторитетный словарь: «**Хотеть**... Иметь желание, намерение (делать что-л.); испытывать потребность, необходимость в ком-, чём-либо» [15, с. 1453]. Прокомментируем ключевые слова цитированного толкования, чтобы убедиться в крайней трудности удовлетворительно разъяснить существо интуитивно ясного глагола *хотеть*: 1) *желать / желание* – едва ли не абсолютный синоним *хотеть*, не помогает; 2) *намерение* – это (совсем) другое, это уже не «просто» желание, а зреющая в замысле готовность действовать, связь которой с *хочу* вовсе не обязательна; 3) *потребность*, как и *необходимость*, – не только субъективны (что имплицировано в *хочу*), но могут иметь и внесубъектную природу.

Возможные семантические этимоны глагола *хотеть* – «готовиться», «хватать», «домогаться / добиваться», «требовать» и др. [20, т. 2, с. 353] также подтверждают неразложимую семантическую цельность / неинтерпретируемость *хочу* как, условно говоря, настоящего внутреннего требования, носящего экзистенциальную природу устремленности к чему-то сущностно *необходимому* для субъекта. *Необходимому* – как такому, которое *не обойти*, без которого *не обойтись*.

Долг / должен. Как и в случае с *хотеть*, внутренняя форма лексем *долг / должен*, включая этимологическую, также не поддается убедительному толкованию (ср., например, возможные семантические этимоны «дань», «подобающий» [Там же, т. 1, с. 261]). Относительно приемлемый способ актуализации внутренней формы *долга* – через синонимизацию с сущ. *обязанность*, внутренняя форма которого, ясная из *вязать: об-вязать* > *обязать*, – наглядно постулирует полный охват (по приставке *об-*) субъекта внешней по отношению к нему силой.

Отсюда: *долг / должен* – это особая интересубъектная *обязанность*, имеющая непреодолимую силу экзистенциального внутреннего требования, синергетически неразрывно связанная с требованиями внешними, которые принимаются субъектом как безусловный внутренний императив.

Возможная итоговая «интерпретационная формула» репрезентирующих модальную категорию долженствования лексем *долг / должен*: «непререкаемо авторитетное внешнее требование / побуждение > непреложный внутренний нравственный императив позитивного отклика на это требование / побуждение».

Мочь / могу / можно – ключевые лексические репрезентанты категории *возможности*. Термин *возможность* вместе с предлежащими ему лексемами *могу / можно* фиксирует такое модальное значение, которое, как и охарактеризованные выше, – в статусе «первичных понятий», плохо поддается содержательному изъяснению в каждом из двух базовых аспектов – (1) субъективном, через глагол *мочь* (*я / ты / он – могу / мо-*

жет), (2) объективном, через предикатив *можно* и сущ. *возможность* (*это можно, есть возможность*).

1. Субъективный / субъектный аспект. *Мочь / могу* отсылают к представлению о состоянии / силах субъекта, достаточных для совершения какого-либо действия. Чем определяется «достаточность» сил, соответствие состояния субъекта задачам действия? В пределах рассматриваемой модальной рамки – наличием субъективно убедительных *хочу* и *должен*, которые выступают как триггер – «спусковой крючок» мотивации к действию, без которого физическая / психологическая пригодность к выполнению действия лишена смысла.

2. Объективный / «экстрасубъектный» аспект. *Можно* ввиду исключительного многообразия возможных денотативно-референциальных прочтений в авторитетном словаре (обыденно-понятийном, сигнификатном) толковании тавтологично: «**Можно**, безл. сказ. 1. Возможно, есть возможность. Когда ему что приказывали сделать, ..то он всегда без малейшего колебания говорил: “Это все можно” и сейчас же делал. Л. Толст. Алеша Горшок» [17, с. 1145]; «**Можно**, в функц. сказ. 1. с инф. Есть условия, возможности для осуществления чего-л. *Сегодня можно кататься на лыжах. Можно пойти в лес. На солнце можно загорать*» [15, с. 551].

Авторитетное теоретико-лингвистическое разъяснение существа значения возможности сводится к следующему. В семантической основе модального значения возможности лежит оценка некоторой ситуации как *потенциальной*, которая «характеризуется признаками нефактичности и волюнтаривности. В ней наличествуют субъект предметной ситуации, нефактическое действие или состояние, могущее стать признаком субъекта, и некое волевое начало (носителем которого выступает субъект волюнтаривности), обеспечивающее реализацию связи между субъектом предметной ситуации и его признаком» [18, с. 123]. Иными словами: категориальная ситуация возможности, рассматриваемая вне достаточного контекста, в общем случае принадлежит к разряду ситуаций потенциальных, а не фактических.

Как видим, ключевое слово цитированного лингвистического разъяснения – через синонимизацию с *потенция*, – из лат. *potentia* ‘сила, мощь; возможность’ < *posse* ‘мочь, быть в состоянии’, то есть «скрытая возможность, способность, сила, которая может при определенных условиях проявиться». Попытка осмысления возвращает нас к русскому *мочь / могу*, оставляя внутри герменевтического круга.

От наклонения и модальности – к речевым жанрам

Понятия наклонения, модальности и речевых жанров целесообразно осмыслять как целостную систему способов выражения *отношения* («интенциональности») субъекта речи – «говорящего» к предмету речи и к самому высказыванию, а именно:

1) *наклонение* – грамматическая категория, область лингвистики – грамматика, и более узко – морфология (категория глагола); способы выражения наклонения – формы глагола;

2) *модальность* – функционально-семантическая категория, область лингвистики – функциональная (идеографическая) и функционально-коммуникативная грамматика; способы выражения модальности – языковые средства разных уровней;

3) *речевые жанры* – коммуникативно-прагматическое явление, область лингвистики – жанроведение (теория речевых жанров, жанрология), прагмалингвистика, коммуникативистика; понятие «способы выражения» к феномену речевых жанров не прилагается, поскольку реализуются они в виде целого *текста* разного объема (начиная с однословного предложения) с его базовыми свойствами связности и цельности.

Что такое *речевой жанр*? Если следовать франц. *genre* ‘род, вид’, то попросту «разновидность речи» (ср.: «**Жанр**... Разновидность *речи*, определяемая условиями ее употребления» [1, с. 69]); если др.-гр. *genos* ‘род, происхождение > семейство, поколение’, то это некая явленная в *именовании* речевого жанра «программируемая» семантикой именования «основа» замысла – плана для рождения целого высказывания / текста, связанного со смыслом жанрового именования.

Такое понимание речевого жанра хорошо соотносится с понятием «первичные жанры», именования которых – «обычные» слова общенародного языка типа *вопрос / спрашивать, просьба / просить, прощение / прощаться, совет / советовать* и т. д. Эти слова, рассматриваемые как *именования* отдельных речевых жанров, уже «сами по себе» содержат ответ – предельно сжатое разъяснение, что же собой представляет тот или иной жанр как «разновидность речи».

Соответствующие жанровые «модальности» (в кавычках, поскольку это скорее частные *цели речи*, оформленной в том или ином жанре) однозначно прочитываются в названиях. Думается, именно такое понимание частью явно, частью имплицитно содержалось в известной работе М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» (1953, опубликована в 1978), заложившей основы современного речевого жанроведения. Характеризуя речевые жанры как устойчивые типические «формы построения целого», М. М. Бахтин отмечал, что «мы можем и вовсе не знать об их существовании» [3, с. 180], – добавим: можем не знать, поскольку они общеизвестны, явлены в ключевых словах – прежде всего в глаголах речи и в существительных, которые от этих глаголов образованы. Это положение составляет и основу своеобразной «энциклопедии речевых жанров» В. В. Дементьева, утверждающего, что такого рода существительные и выступают «именами речевых жанров: *беседа, брань, брюзжание, ворчание, высмеивание, дерзость, доказательство, жалоба, извинение...*» [13, с. 292].

Заключение

Всматриваться, вчитываться, вдумываться – по приставке *в-*, *вникать*, «входить внутрь» морфемно-словообразовательной и лексико-семантической внутренней формы лингвистических терминов – способ не только освоения ключевых понятий на путях учебной лингвогерменевтики, не только важное условие развития «филологического мышления», но и средство развития мышления и личности в целом.

Закон Российской Федерации «Об образовании» в определении понятия образования отнюдь не случайно на первое место ставит *воспитание*, и только потом – *обучение*: «...образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом...» [19]. Когда говорят о необходимости ценить родной / русский язык, – что имеют в виду? В том числе, видимо, и трепетно-вдумчивое отношение к отдельно взятым словам этого / нашего языка, и способность вникать в их смысл.

Термины – ценность и сами по себе, как слова нашего языка, и как средство разбираться в словах, поскольку в терминах опредмечены понятия – инструменты филолога, как скальпель у хирурга или плуг у пахаря. Отсюда – как ни странно, «новое» понятие о «воспитательном потенциале терминоведения», которое оказывается в контексте духовно-нравственно воспитания и развития личности обладающим уникальным средством вникновения в «семантические механизмы языка» [4, с. 217]. Учебная терминологическая герменевтика в этом контексте оказывается нацеленной не только на лингвистическое образование, но и на становление / развитие личности гражданина и патриота.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Москва: Рус. словари, 1997. С. 159–206.
4. Булат Р.Е., Байчорова Х.С. Воспитательный потенциал терминоведения // Art Logos. 2023. № 4 (25). С. 216–230.
5. Волков В.В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84–88.
6. Волков В.В. «Введение в языкознание». К герменевтике названия учебного курса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 3(70). С. 95–103. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.095
7. Волков В.В., Волкова Н.В., Гладилина И.В. Термины и понятия «значение» и «смысл». К учебной герменевтике лингвистических терминов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 3(78). С. 83–93. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.083

8. Волков В.В., Волкова Н.В., Гладиллина И.В. Функциональная грамотность и лингводидактика: к герменевтике термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1(72). С. 67–77. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067
9. Волков В.В., Гладиллина И.В., Скаковская Л.Н. Фонема, лексема и другие. К учебной герменевтике лингвистических терминов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3(74). С. 101–112. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.101
10. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. Москва: Издательство Московского университета, 2000. 502 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. Москва: Русский язык, 1999. 686 с.
12. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1976. 1096 с.
13. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. 600 с.
14. Ляпон М.В. Модальность // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Большая Рос. энциклопедия, 1998. С. 303–304.
15. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2008. 1536 с.
16. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. Москва: Наука, 1980. 783 с.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 6. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 1460 с.
18. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Ленинград: Наука, 1990. 264 с.
19. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законодательство Российской Федерации. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/> (дата обращения: 06.02.2024).
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Русский язык, 2001.

**MOOD, MODALITY, AND VERBAL GENRES.
TO THE DIDACTICAL HERMENEUTICS
OF THE LINGUISTIC TERMS**

V. V. Volkov, N. V. Volkova, I. V. Gladilina

Tver State University, Tver

The article states the synonymous mixing of the concepts of “mood”, “modality” and “verbal genres” in academic work with philology students, which requires special linguistic and didactic attention to the terms “modality” and “mood” in order to compare and differentiate them. The authors present the

results of modeling the processes of hermeneutical comprehension of these terms, consider ways to explain and understand the phenomena of modality, mood and the phenomenon of verbal genres related to them, and offer options for the didactical interpretation of these terms based on the actualization of their inner form.

Keywords: *didactical terminology science, modality, mood, inner form of a word, cognitive linguistics, philological hermeneutics.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2024 г.

Дата подписания в печать: 01.03.2024 г.